

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

ТОНКОВ Е.Е.,
 доктор юридических наук, профессор,
 ETonkov@bsu.edu.ru
 Юридический институт;
 Белгородский государственный
 национальный исследовательский
 университет,
 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

TONKOV E.E.,
 Doctor of Legal Sciences, professor,
 ETonkov@bsu.edu.ru
 Law Institute;
 Belgorod State National
 Research University,
 Pobeda St. 85, Belgorod, 308015,
 Russian Federation

СИНЕНКО В.С.,
 кандидат юридических наук, доцент,
 sinenko@bsu.edu.ru
 Кафедра трудового
 и предпринимательского права;
 Белгородский государственный
 национальный исследовательский
 университет,
 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

SINENKO V.S.,
 Candidate of Legal Sciences,
 associate professor,
 sinenko@bsu.edu.ru
 Chair of labor and entrepreneurial law;
 Belgorod State National
 Research University,
 Pobeda St. 85, Belgorod, 308015,
 Russian Federation

ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУРИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Анализируется обоснованность введения в научный оборот юриспруденции и включения в систему права новых комплексных отраслей права. Данный процесс, по мнению авторов статьи, нередко осуществляется вопреки общепризнанным правилам юридической техники и принципам построения системы права. Авторы критически относятся к постоянному расширению перечня комплексных отраслей права, полагая, что они могут существовать только применительно к сфере законодательства, система которого формируется с учетом несколько иных подходов, нежели система права. Выделение комплексных отраслей в системе права является попыткой обобщить явление на основе различных методологических подходов. Формирование системы права в отличие от формирования системы законодательства осуществляется по признаку предметного единства регулируемых отношений. Система права должна оставаться относительно статичной конструкцией.

Ключевые слова: система права; система законодательства; предмет и метод отрасли права; комплексная отрасль права; формирование отраслей права.

THE PROBLEMS OF STRUCTURING RUSSIAN LAW AND LEGISLATION

Annotation. The validity of introducing the new complex branches of law to the scientific researches concerning jurisprudence and including these branches in the legal system is analyzed. According to the authors of the article's opinion, this process is often carried out contrary to the generally accepted rules of legal techniques and principles of construction of the legal system. The authors criticize the continued expansion of the list of complex branches of law and believe that they can exist only in such legislation, the system of which is formed by the approaches that differ from the approaches of the legal system. Distinguishing the complex branches in the legal system is an attempt to generalize the phenomenon on the basis of different methodological approaches. The formation of the legal system in contrast to the legislative system is carried out on the basis of subject unity of the regulated relations. The legal system should remain relatively static structure.

Keywords: legal system; legislative system; subject and method of branch of law; complex branch of law; formation of branches of law.

Охранительная функция права обуславливает необходимость создания и функционирования органов государственной власти, которые относятся к числу правоохранительных. Правоохранительная деятельность государства, по сути,

представляет собой гарантию выполнения обязательных требований, которые предъявляет право к поведению субъектов общественных отношений. Однако эффективность такой деятельности во многом зависит от самого права в объективном

его понимании. Четкость и непротиворечивость законодательных предписаний, отсутствие пробельности, взаимосвязанность отдельных элементов права в их системе являются необходимыми предпосылками результативности деятельности правоохранительных органов.

Отмеченное выше позволяет утверждать о наличии неизбежной причинно-следственной связи между проблемами структурирования российского права и законодательства, с одной стороны, и результатами правоохранительной деятельности — с другой. Более того, в связи с этим нельзя не учитывать тот факт, что наряду с позитивным регулированием поведения управомоченных субъектов существуют целые отрасли и подотрасли права и законодательства, правовые институты, которые имеют большей частью охранительное назначение. В то же время процесс совершенствования российского законодательства сопровождается достаточно бурными дискуссиями относительно системы российского права и его основных структурных элементов. Данная проблема не теряет своей актуальности на протяжении последних десятилетий, более того, в последнее время изыскания в систематике права даже ведутся с повышенной интенсивностью [1, с. 5-16].

Современные представления о системе российского права базируются на традициях советской правовой науки, в рамках которой состоялись три серьезные научные дискуссии о системе права. Так, на страницах журнала «Советское государство и право» в 30-х, 50-х и 80-х годах прошлого столетия прошли активные и представительные обсуждения, которые позволили выработать основы структуры права и наметить перспективы ее развития. По результатам таких дискуссий преобладающим стал подход деления права на отрасли в зависимости от критериев предмета и метода правового регулирования. Еще во второй половине XX века высказывались радикальные предложения об отказе от отраслевого деления права в силу определенной искусственности и неопределенности самих критериев такой дифференциации.

Так, В.К. Андреев отмечает, что отраслевое строение правовой системы России — «скорее дань научной традиции,

чем объективная реальность». При этом автор подчеркивает отсутствие «научно доказанного разграничения отрасли права как объективной категории и отрасли законодательства как производной от нее» [2, с. 51].

В.П. Мозолин, признавая ранее существовавшую практическую значимость деления права на отрасли, все же призывает отказаться от него: «Возможность создания единого общего понятия отрасли права оказалась утраченной. Понятие отрасли права стало настолько девальвированным, что им по существу невозможно пользоваться в практических целях (в области законодательства, правоприменительной деятельности, учебном процессе в высших юридических учебных заведениях), поэтому оно не должно применяться и при построении современной системы... права» [3, с. 107].

Очевидно, критика автора основывается на современной девальвации понятия отрасли. С этим можно было бы согласиться, однако вызывает сомнения вывод об отказе от использования отраслей при построении современной системы права. Более логичным предложением, по нашему мнению, является восстановление утраченного смысла, но не «отбрасывание» за ненадобностью огромного пласта теоретических наработок в данной области. Полагаем, что правильно построенная система права имеет существенное значение для правоприменительной деятельности.

Деление права на отрасли значимо не само по себе, а в силу того, что это позволяет решать вопросы, имеющие практическое, а именно правоприменительное, правотворческое и педагогическое значение. Полагаем, что существующая система права в виде деления его на отдельные отрасли может оказывать существенное воздействие на правоприменение.

Сложившееся в отечественной юридической науке определение отрасли права как наиболее крупного элемента системы права, представляющего собой совокупность норм права, регулирующих качественно однородную группу общественных отношений, сохраняет возможность достаточно легкого манипулирования категориями и понятиями в угоду якобы развитию юридической мысли. Традиционным критерием определения самостоятельности

отрасли является своеобразие предмета и метода. Специфика предмета отрасли является одним из важнейших признаков, позволяющих идентифицировать отрасль в качестве самостоятельной.

В литературе практически не подвергается сомнению, что предмет отрасли права образует качественно однородный и в силу этого обособленный вид общественных отношений. По словам С.С. Алексеева, «это особое качество состоит именно в том, что глубинное социально-экономическое, политическое содержание данных отношений объективно требует адекватного юридического режима регулирования, который и выделяет данную совокупность правовых институтов в главное подразделение правовой системы» [4, с. 174].

В большинстве случаев исследователи, предлагая иные подходы к системе права, тем не менее обращают внимание на **предметное единство** регулируемых общественных отношений как основание для выделения отдельных структурных частей права.

Предметное единство общественных отношений характеризуется однородностью их качественных характеристик, обусловленных сложившимся в обществе социально-экономическим базисом. Наиболее наглядно это предметное единство регулируемых отношений прослеживается в отрасли гражданского права, что находит отражение в соответствующей правовой норме.

В завершение перечисления круга отношений, регулируемых гражданским законодательством, в п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ нормативно сформулированы их качественные характеристики, а именно «отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников». Эти признаки, собственно, и обуславливают предметное единство таких отношений и, как следствие, регулирующих их правовых норм. Такая качественная однородность предмета предопределяет и единство применяемого к нему метода правового регулирования.

Построение правовой системы по признаку предметного единства регулируемых отношений позволяет сформулировать и такие нормы, которые распространяют свое действие на всю очерченную

общность общественных отношений. Это, в свою очередь, позволяет сформулировать основополагающие начала отрасли (ее принципы), определить своеобразный понятийно-категориальный аппарат. Именно возможность выделения внутри отрасли общей части формирует возможность и необходимость кодификации соответствующего законодательства, что при таком подходе является относительно объективным процессом. Поскольку в силу признания той или иной совокупности правовых норм самостоятельной отраслью права требуется вычленение общей части, то наиболее адекватно это возможно в рамках кодификационного акта.

Именно благодаря кодифицированному акту «специальные нормы и институты приобретают интеллектуально-волевое единство, подчиняются известным общим принципам, понятиям и таким путем komponуются в правовые общности» [4, с. 185].

Весьма обстоятельно данный вопрос разрабатывался Р.О. Халфиной. Ею, в частности, точно подмечено, что «система права строится на базе научной абстракции содержания основных видов общественных отношений (предмет правового регулирования) и определяемых содержанием средств правового регулирования (метод). При этом устанавливаются основные черты данного вида общественных отношений и метода их регулирования. Это дает возможность установить общие закономерности правового регулирования конкретного вида отношений, определить соответствующие правовые средства воздействия, совершенствовать регулирование отношений в главных, определяющих чертах. Такое формирование основных отраслей права обеспечивает также внутреннее единство, взаимную согласованность регулирования того или иного вида общественных отношений во всех отдельных, частных областях их проявления» [5, с. 270-271].

Таким образом, вполне уверенно можно говорить о том, что нормы отдельной отрасли права, объединенные по признаку предметного единства, способны к такой организации, которая будет иметь значение в различных областях деятельности, связанных с правом: правотворчестве, правоприменении, учебном процессе и при проведении научных исследований.

Ценность отраслевого деления состоит в возможности выстраивания единого комплекса правоотношений, основанных на единых системных связях. Выявление таких связей, формирование соответствующих теоретических обобщений, правовых конструкций – процесс довольно длительный. Но только пройдя все этапы и доказав их достоверность и результативность, возможно констатировать появление новой отрасли в системе права.

А.А. Головина в рамках специализированного диссертационного исследования, посвященного критериям отраслеобразования, выделяет семь этапов образования самостоятельной отрасли права. Можно дискутировать относительно достаточной убедительности отдельных авторских стадий этого процесса, но, безусловно, следует поддержать положение о том, что в качестве обязательных этапов должны рассматриваться развитие и упрочение системных связей между группой норм права и, как следствие, выделение метанорм (правовые определения, принципы права), общей части, внутренней иерархической структуры отрасли (институтов права, подинститутов права). В результате накопления указанных выше изменений происходит диалектический скачок, переход количественных изменений в качественные – дивергенция (расхождение, размежевание) системных связей «дочерней» отрасли права с «материнской» [6, с. 13-14].

Именно наличие системных связей между нормами отдельной отрасли, обуславливающих выделение общей части (общих положений), специфических принципов, свидетельствует о формировании самостоятельной отрасли права.

Далее считаем возможным изложить наше понимание соотношения правовых категорий «право» и «законодательство», а также производных от них: «система права» и «система законодательства». Если право в целом традиционно рассматривается как организованная определенным образом совокупность правовых норм, то законодательство представляет собой совокупность находящихся в соответствующей взаимосвязи нормативных правовых актов. Взаимосвязь между данными явлениями бесспорна. В наиболее обобщенном виде эта связь характеризу-

ется соотношением содержания и формы, где законодательство предстает внешней формой выражения права.

Отрасли законодательства формируются в отношении отдельных направлений государственного регулирования. Вследствие этого в состав одной отрасли законодательства включаются разные по отраслевой природе нормы права. Это делается для того, чтобы учесть существующие взаимосвязи между разнородными общественными отношениями.

В аспекте тематики данной статьи интересен характер таких связей между нормативными предписаниями правовых актов, образующих отрасль законодательства. Полагаем, что это качественно иной тип связи, нежели обнаруживаемый между нормами отдельной отрасли права. Обобществление норм внутри отрасли законодательства осуществляется на основе **функционального единства**, то есть направленности на урегулирование отдельной сферы жизнедеятельности. Этим объясняется комплексность большинства нормативных актов, поскольку в регулировании отдельной сферы общественной жизни, как правило, оказывается задействованным весь арсенал имеющихся средств правового воздействия.

Правовое регулирование общественных отношений, входящих в сферу государственно-властной деятельности, обеспечивает решение задач, стоящих перед государством. Правотворчество, являясь процессом создания правовых норм, получающих закрепление в законах и подзаконных нормативных правовых актах, определяет тот объем и те виды правовых средств, использование которых закладывает режим оптимальности как самого правотворчества, так и других юридических форм государственно-властной деятельности, определяет восприятие нормативной базы правового регулирования, ее доступность массовому сознанию людей, удобство в поиске нормативной информации и использование правовых установлений для достижения оптимального соотношения личного блага и интересов государства. Вследствие этого в состав нормативного правового акта, относящегося к той или иной отрасли законодательства, практически всегда включаются нормы различных отраслей права.

Система права и система законодательства выстраиваются по разным критериям. Система права основывается на качественной однородности отношений, регулируемых самостоятельными отраслями права (**предметное единство**), система же законодательства учитывает практическую целесообразность обобществления норм по признаку направленности правового воздействия на отдельные сферы общественной жизни (**функциональное единство**). Это детерминирует отличия в характере взаимосвязи между элементами таких систем. Именно такой подход позволяет, с одной стороны, выявить необходимую взаимосвязь между отраслями права и отраслями законодательства, а с другой стороны, провести между ними и должную дифференциацию. О различиях характера взаимосвязей правовых норм и институтов, основанных на предметном и функциональном единстве, говорил еще О.А. Красавчиков [7, с. 69], однако эти идеи в дальнейшем в правовой науке концептуального развития не получили.

По нашему мнению, отмечавшаяся ранее девальвация понятия отраслей права произошла вследствие недостаточного разграничения, а иногда и отождествления понятий «право» и «законодательство». Вследствие этого наблюдается поспешное и поверхностное отношение к формированию «новых» отраслей права. В большинстве случаев такие «новые» отрасли выделяются по критерию функционального единства и поэтому включают в свой состав нормы различных традиционных отраслей права. Для устранения этого противоречия выделяемые «новые» отрасли с легкой руки В.К. Райхера [8] объявляются комплексными.

В период начала обсуждения вопросов природы комплексных отраслей в 40-х — 50-х годах прошлого столетия к таковым относился достаточно ограниченный перечень нормативных общностей, а именно: транспортное право, морское право, страховое право, банковское право и некоторые другие. Сегодня с уверенностью можно говорить о все возрастающей тенденции к объявлению комплексными отраслями отдельных структурных подразделений российского права.

А.А. Головина насчитала уже около шестидесяти «новых» комплексных отрас-

лей права [6, с. 3]. «Получается так, что как только исследователь обнаружит ту или иную форму связи, тот или иной момент взаимодействия норм (правовых институтов) различных отраслей права, он тут же спешит объявить об обнаружении “новой” отрасли права или отрасли законодательства» [7, с. 63]. Данная мысль, высказанная О.А. Красавчиковым еще в 1975 г., особенно актуальна применительно к сегодняшней ситуации, складывающейся в научной и правотворческой деятельности.

К обоснованию новых отраслей права и введению их в научный оборот следует относиться весьма осторожно, соблюдать признанные каноны юридической техники.

Неоднозначность подходов даже в отношении необходимости сохранения отраслей права как правовой категории и критериев отраслеобразования во многом обусловлена отсутствием четкости и однозначности понятийного аппарата, что является критически важной составляющей любой науки. В сфере права необходимость использования единой терминологии в нормативных актах практически очевидна и в дополнительных доказательствах не нуждается. Однако в сфере научных теоретических обобщений зачастую наблюдается отсутствие единых подходов в понятиях, которое, в свою очередь, не позволяет проводить конструктивную дискуссию в отношении правовых явлений. Это особенно актуально, когда речь идет о достаточно высокой степени научных обобщений, в частности, проблем системы права и системы законодательства. В связи с этим, определяя место комплексных образований в соответствующей системе, необходимо кратко осветить историю данного вопроса.

Итак, впервые правовая категория «комплексная отрасль права» была обозначена профессором В.К. Райхером. Анализируя вопросы страхования, он высказал предложение о необходимости различать две категории отраслей: основные и комплексные [8, с. 190]. Предложение сопровождалось комментарием о том, что комплексная отрасль должна соответствовать трем условиям: «Во-первых, необходимо, чтобы совокупность правовых норм была адекватна определенному, специфическому кругу общественных отношений, т.е.

имела бы в этом смысле единый и самостоятельный предмет регулирования, а следовательно, и предметное единство. Во-вторых, регулируемый такой совокупностью норм специфический круг отношений должен обладать достаточно крупной общественной значимостью. В-третьих, образующий такую совокупность нормативно-правовой материал должен обладать достаточно обширным объемом» [8, с. 189-190].

В дальнейшем идея комплексных отраслей права была поддержана С.С. Алексеевым, который констатировал, что отрасли в правовой системе могут занимать и действительно занимают различное положение. Комплексные отрасли в отличие от основных (профилирующих) рассматриваются им в качестве вторичных (производных) образований [4, с. 184-185]. Происходит «своеобразное явление – удвоение структуры права» [4, с. 28]. При этом «юридические особенности специальных норм, входящих в комплексную отрасль, как бы распределены “по двум адресам”. По своим главным показателям (методу и механизму регулирования) они относятся к той или иной основной отрасли, подчиняются ее общим нормам, принципам, положениям» [4, с. 186].

Решительным противником комплексных отраслей права в советской науке выступил О.А. Красавчиков. По его мнению, «“прилагательное” – “комплексная” – не должно менять сути “существительного” – отрасли. Двухзначность термина “отрасль” создает совершенно неправильное представление, будто комплексное (сформированное по субъективным соображениям) собрание текстов правовых норм, хотя и не самостоятельная (“основная”), но тем не менее комплексная отрасль» [7, с. 65]. Комплексные отрасли, по его мнению, есть не что иное, как «субъективно сформированные группы норм права, принадлежавших отдельным отраслям системы права» [9, с. 374].

Данную точку зрения поддержал С.Н. Братусь, по мнению которого, «комплексных отраслей права не существует, ибо каждая отрасль права соответствует определенному виду общественных отношений; можно говорить лишь о комплексных нормативных актах, комплексной систематизации нормативного материала

и... комплексных правовых учебных дисциплинах либо даже о комплексных юридических науках» [10, с. 270]. В целом можно говорить о преобладании в советской науке негативного отношения к обозначенному вопросу.

Взгляды большинства современных представителей правовой науки, напротив, весьма благожелательны к таким отраслям. Образно говоря, комплексные отрасли получили «свое второе рождение». Выше уже отмечалась тенденция к выделению все новых и новых комплексных отраслей права. Авторы, которые все же пытаются определить их место в системе права, неизбежно в той или иной форме повторяют мысли С.С. Алексеева об «удвоении структуры права». Например, А.Ю. Коваленко призывает отказаться от «линейного принципа их рассмотрения, что на сегодняшний день является уже нецелесообразным, так как данная система изжила себя и требует коренного пересмотра» [11]. «Линейному построению», по его мнению, противостоит «объемная взаимосвязь правовых отраслей» [11]. Именно теория «удвоения структуры права» приводит к тому, что для объявления «новой», хотя и комплексной отрасли права, необходимо всего лишь консолидировать нормы различных основных отраслей права в отношении определенного вида жизнедеятельности.

Относясь критически к наличию комплексных отраслей права, нельзя не признавать справедливость утверждения о том, что «существование комплексных правовых общностей – это объективный факт!» [12, с. 144]. В.Д. Рузанова, поддерживая данную идею, пишет: «Спор о названии комплексных образований мы не считаем принципиальным, главное, что они существуют» [13, с. 220]. Полагаем, следует согласиться с фактом существования комплексных общностей. В то же время принципиальна точка их приложения, что должно отражаться и в их наименовании. Считаем, что они могут существовать только применительно к сфере законодательства, система которого формируется с учетом несколько иных подходов, нежели система права. В связи с этим такие «правовые общности» не следует возводить в ранг отрасли права, пусть даже и комплексной. Идея комплексности может быть свойственна не только отраслям законода-

тельства, но также и учебным дисциплинам. Образовательные цели вполне могут обуславливать комплексное восприятие правового регулирования общественных отношений применительно к отдельному направлению деятельности. Более того, как в свое время отмечал О.А. Красавчиков, необходимо не только признавать, но и всячески поощрять комплексные научные исследования [9, с. 376].

Один из главных идеологов теории комплексных отраслей права С.С. Алексеев объясняет причины формирования таких отраслей. По его мнению, это «сопряжено с обособлением комплексных областей законодательства. Внешним выражением существования комплексных (специализированных) отраслей и является наличие так или иначе обособленных нормативных актов, содержащих специальные нормы, некоторые общие принципы и положения, отдельные специфические приемы регулирования» [12, с. 145].

Подобные взгляды имеют своей основной идею единства внутреннего содержания и внешней формы, а именно системы права и системы законодательства. С.С. Алексеев в этом отношении пишет: «...структура права не может быть с достаточной полнотой и точностью раскрыта, если не видеть ее органического единства с внешней формой права – с системой законодательства, внутренними подразделениями в нормативных актах» [4, с. 58-59]. Система права, конечно, связана с системой законодательства.

Например, основные отрасли, как правило, имеют свой кодификационный нормативный акт в виде кодекса. Законодательство отчасти также оказывает воздействие на отраслевую систему права. В связи с этим полагаем, что автор преувеличивает влияние системы законодательства на систему права. Не следует детерминировать сложнейшие аспекты права действиями законодателя, который зачастую выстраивает законодательство в отрыве от общих представлений системы права. Кроме того, нет необходимости приводить систему законодательства в «точное соответствие» с системой права.

Законодательная деятельность, хотя и должна учитывать основные посылы разработанной системы права, в то же время обусловлена практической целесообраз-

ностью и удобством правоприменения. Следствием этого является появление комплексных нормативных актов, в которых содержатся нормы различной отраслевой принадлежности. Более того, даже не признаваемые комплексными нормативные акты могут включать в себя отдельные «вкрапления» норм иных отраслей.

Данный подход объясняется тем, что деятельность законодателя обычно направлена на наиболее полное урегулирование отношений в определенной сфере жизнедеятельности (особенно когда речь идет об отдельных некодифицированных актах) и в силу этого он не обращает внимания на отраслевую принадлежность принимаемых им нормативных актов. Как уже отмечалось выше, такие общности объединены признаком **функционального единства**, который сущностно **отличается от предметного**, характерного при выделении отраслей права. Отсутствием предметного единства между нормами комплексного образования объясняется и то, что они лишены «главных черт юридического своеобразия – “своего” метода и механизма регулирования» [12, с. 144].

Так называемое «удвоение структуры права» или «наслаивание» комплексных отраслей над основными является не чем иным, как попыткой объединить нормы различной отраслевой принадлежности по функциональному признаку. Если допустить в системе права такое «удваивание» при конструировании комплексных отраслей, то при анализе природы предмета некоторых из них обнаруживается и «утраивание», и даже большая кратность умножения.

Например, при определении соотношения земельного, экологического и природоресурсного права может обнаружиться перекрещивание или «наслаивание» этих отраслей друг на друга. И это без учета того, что данные правовые образования, являясь комплексными, включают в свой состав нормы гражданского, административного и иных основных отраслей права. При таком нагромождении, конечно, выхолащивается изначальный смысл отраслевого деления системы права, что приводит к девальвации самой идеи.

В этом отношении следует обратить внимание на, видимо, самую объемную комплексную отрасль, выделяемую на сегодняшний день, – экономическое право.

Авторы, выделившие такую отрасль, понимая глобальность предлагаемого образования, именуют ее «мегаотраслью» [1] и рассматривают в качестве микромодели системы российского права. Данная комплексная «мегаотрасль», по замыслу авторов, аккумулирует нормы многих отраслей российского права, а именно: конституционного, международного публичного, административного, финансового, уголовного, экологического, предпринимательского, трудового. Обращает на себя внимание то, что некоторые из заявленных составляющих экономическое право отраслей сами являются комплексными образованиями, например, экологическое, предпринимательское право.

Экономическое право, как представляется его разработчикам, — «это собирательная комплексная мегаотрасль, требующая официального признания (по аналогии с зарубежными странами) и имеющая огромное практическое значение» [14, с. 64]. По мнению Е.М. Ашмариной и Г.Ф. Ручкиной, значение состоит в том, что «является полезным и необходимым мероприятием, поскольку предполагает как оптимизацию правоприменения в соответствующих сегментах экономической деятельности, так и усовершенствование правотворчества в перспективе. Именно в этом видится целесообразность выведения экономического права в качестве самостоятельной отрасли права» [15, с. 59-60].

Не отрицая полезности системного взгляда на экономические отношения и их регулирование в целом, полагаем, что квалификация экономического права в качестве отрасли права способна «затмить» собой складывающуюся систему правовых связей. Выделение общей части экономического права (если это вообще возможно) будет происходить на столь высоком уровне обобщения, что практическое значение сведется к минимуму. Такая глобализация, равно как и тенденция к все более дробной отраслевой дифференциации российского права (появление спортивного права, военного права, энергетического и т.д.), нам представляется бесперспективной и выхолащивающей содержание юридической науки.

Обоснование необходимости введения экономического права в качестве мегаотрасли российского права, на наш взгляд,

следует признать не совсем удачной попыткой объяснить неизвестное через еще более неизвестное (*ignotum per ignotius*). Продвигаясь достаточно стремительно по такому пути, можно до бесконечности увеличивать число отраслей права, награждая их различными «мега-» или «квази-» титулами для пущей важности.

Объясняя природу комплексных отраслей права и их место в системе права, апологеты данной теории неизбежно пытаются представить право в виде сложной структуры, которая не ограничивается линейным (двумерным) измерением. Это является следствием того «удвоения», о котором говорил еще С.С. Алексеев. Причем сам он писал, что «система права представляет собой сложную иерархическую структуру... своеобразную пирамиду», в основании которой находятся комплексные отрасли права [12, с. 146].

Безусловно, не следует канонизировать линейное отраслевое деление. Новый взгляд на устоявшиеся вещи зачастую позволяет выявить ранее не известное знание. Но в нашем случае концепция комплексности затрудняет реализацию изначально заложенного смысла отраслевой системы права. Объединение правовых норм по признаку комплексности не дает того положительного эффекта, который может быть достигнут при сохранении традиционной отраслевой системы права, основанной на предметном единстве регулируемых отношений и построенной по линейному принципу.

Полагаем, следует согласиться с мнением Р.О. Халфиной о том, что «попытки конструирования бесчисленных новых "отраслей права" ведут к размыванию системы, к излишней дифференциации правового регулирования, ослаблению связей внутри системы права. Совершенствование всей системы правового регулирования предполагает развитие отраслей права, регулирующих основные виды общественных отношений и развитие правовых форм регулирования отношений в отдельных областях жизни общества путем применения (с детализацией в необходимых случаях) норм отдельных отраслей права с учетом специфики каждой из них» [5, с. 272].

Даже один из наиболее последовательных сторонников теории выделения

в системе права комплексных отраслей С.С. Алексеев признавал, что «комплексные отрасли... являются правовыми общностями, менее прочными, менее объективированными, чем профилирующие и другие основные отрасли, образующие главные подразделения правовой системы» [12, с. 146].

Выявление объемной взаимосвязи структурных частей права в известной степени усложняет его понимание. Но главное заключается не в сложности осознания. Если бы с этих позиций достигались весьма существенные цели, значимые для правоприменительной деятельности, то вне зависимости от сложности спорной правовой материи ее следовало бы поддержать. Современное состояние правовой науки позволяет сказать, что внедрение комплексности в систему права не только не придает ей новые полезные качества, но, наоборот, «заслоняет» уже известные, апробированные и полезные понятия и категории юридической науки.

В этом отношении можно обратить внимание на то, что и в советской, и в российской правовой науке высказывались суждения о неоправданном усложнении теории отраслевого деления понятием комплексности. Как считал О.А. Красавчиков, все соображения о существовании «комплексных отраслей» права (равно и законодательства) основаны на недоразумении... Это ведет к путанице понятий, усложнению и без того сложных проблем. В конечном же счете данная концепция практически снимает научное исследование системы права и системы законодательства» [7, с. 65].

Отдавая дань памяти выдающемуся советскому правоведам, мы полагаем, что представление системы права в качестве «объемной взаимосвязи» ее отраслей с «перекрещиванием структуры», действительно, существенно усложняет процесс понимания, а главное, практического применения систематики права. Более того, представление системы права в качестве объемной структуры есть не что иное, как попытка обобщить явление на основе различных методологических подходов.

Тенденция к усложнению линейной системы права имеет негативный характер. Вплоть до сегодняшнего дня ведутся споры о критериях дифференциации основных отраслей российского права, свидетельствующие об отсутствии общепризнанной градации основных структурных подразделений права. С учетом этого, когда на данном, не вполне устойчивом фундаменте мы пытаемся выстроить «объемную» систему права с «перекрещивающейся структурой комплексных отраслей», полезного и прочного здания получиться не может.

Процесс структурирования права, классификации, разграничения отраслей – дело крайне ответственное. Он должен включать не только выявление их отличительных признаков, но и установление тех особенностей, которые ни при каких условиях не дают возможности их объединить в совокупность правовых норм, регулирующих однородную группу общественных отношений. В противном случае многие «новые» отрасли права, хотя и будут содержать юридические характеристики различных явлений действительности, но фактически являться не только смежными, но и обладать весьма заметным сходством между собой (как это и происходит на самом деле), особенно в условиях существенного возрастания объема нормативного материала и нередкого отсутствия его согласованности.

Идея комплексных отраслей права способствует «размыванию» системы права, а вслед за этим правовой науки и юридической практики. Не отрицая в качестве одной из целей науки способствование совершенствованию юридической практики, мы убеждены, что нельзя подменять систему внятных терминов и определений попытками внести неоправданный хаос в устоявшийся понятийный аппарат юриспруденции, оправдывая это благими намерениями. Право должно оставаться относительно неизменным ядром, на основе которого можно базировать и систему законодательства, обладающую более динамичным характером и зависящую от степени важности тех или иных сфер жизнедеятельности.

Список литературы

1. Ершов В.В., Ашмарина Е.М., Корнев В.Н. Экономическое право как мегаотрасль российского права: его предмет и система // Государство и право. 2015. N 7. С. 5-16.

2. Андреев В.К. К разработке новой редакции части первой ГК РФ // Хозяйство и право. 2008. N 10. С. 50-55.
3. Мозолин В.П. Система российского права (доклад на всероссийской конференции 14 ноября 2001 г.) // Государство и право. 2003. N 1. С. 107-113.
4. Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юрид. лит., 1975. 264 с.
5. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юрид. лит., 1974. 348 с.
6. Головина А.А. Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 34 с.
7. Красавчиков О.А. Система права и система законодательства: гражданско-правовой аспект // Правоведение. 1975. N 2. С. 62-71.
8. Райхер В.К. Общественно-исторические типы страхования. М.; Л., 1947. 282 с.
9. Красавчиков О.А. Советская наука гражданского права (понятие, предмет, состав и система) // Категории науки гражданского права. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2005.
10. Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М.: Госюриздат, 1963. 196 с.
11. Коваленко А.Ю. Комплексные отрасли права на современном этапе развития системы российского права. URL: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=18433> (дата обращения: 10 апр. 2016 г.).
12. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Курс лекций: в 2 т. Т. 1. Свердловск: СЮИ, 1972. 395 с.
13. Рузанова В.Д. Гражданское право и гражданское законодательство как взаимодействующие системы // Вестник СамГУ. 2013. N 5 (106). С. 216-223.
14. Ершов В.В., Ашмарина Е.М., Корнев В.Н. Экономическое право: сравнительно-правовой анализ Германии, Франции, Китая и России // Государство и право. 2014. N 9. С. 53-64.
15. Ашмарина Е.М., Ручкина Г.Ф. Экономическое право Российской Федерации (предмет и метод, система и структура, источники правового регулирования) // Государство и право. 2012. N 8. С. 57-65.

КОРНАКОВА С.В., кандидат юридических наук, доцент, Svetlana-kornakova@yandex.ru Кафедра уголовного права, криминологии и процесса; Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11	KORNAKOVA S.V., Candidate of Legal Sciences, associate professor, Svetlana-kornakova@yandex.ru Chair of criminal law, criminology and criminal process; Baikal State University, Lenina St. 11, Irkutsk, 664003, Russian Federation
---	---

ВОПРОС КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО ПОЗНАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ*

Аннотация. Вопрос выступает важнейшим средством познания, без которого достижение необходимого результата деятельности оказывается практически невозможным. Сфера уголовно-процессуального доказывания не является исключением. В представленной статье автором подвергаются критической оценке суждения некоторых ученых, которые ошибочно считают, что вопрос является непригодным для достижения истины по уголовному делу средством. Рассматриваются виды вопросов и их значение на различных этапах доказывания по уголовному делу. Сделан вывод о том, что весь процесс познания в ходе расследования уголовного дела для субъекта доказывания, по сути, представляет собой постановку вопросов и поиск на них ответов. Поэтому успешное расследование преступлений во многом зависит от умения правильно ставить вопросы.

Ключевые слова: уголовный процесс; доказывание; вопрос; истина, уголовное дело.